

Гегеля интересовала именно эта сторона в содержании опыта, он «мыслит диалектическое из сущности опыта». Опыт нельзя узнать в заранее данной всеобщности. В этом – открытость опыта разума для нового опыта. Могущество и самоуверенность планирующего рассудка имеет свою границу. Человек уверен, что все можно повторить, переделать, но на самом деле данное убеждение является ошибочным. Живущий и действующий в истории человек постоянно убеждается на своем собственном опыте, что нечего не повторяется. «Подлинный» опыт есть, таким образом, опыт собственной историчности. Ничего не повторяется в истории, поэтому она открыта для будущего. Историчность «разрывает» узкие предрассудки и обманчивые ассоциации, которые с неизбежностью усваиваются теми, кто ограничивает себя рамками единственной теоретической системы или школы.

Рассматривая интеллектуальный опыт как опыт сознания, в первую очередь, теоретического, философская традиция связана с пониманием его методологической значимости, которая состоит в том, что интеллектуальный опыт дает возможность понять, что деятельность разума направлена не вне сознания, а на развертывание его собственного содержания. В данном случае деятельность сознания (разума) проявляется как свободное когнитивное творчество, самодостаточное в себе и для себя. Логические отношения, которые имеют место только в сфере сознания, характеризуют онтологический статус интеллектуального опыта. Это не репрезентация информации об определенной предметной реальности, а характеристика способности теоретического мышления понимать возможности и границы своей собственной конструктивной деятельности.

РОЛЬ ИРРАЦИОНАЛЬНОГО В ПОЗНАНИИ У Ф. НИЦШЕ И М. ХАЙДЕГГЕРА

Е. В. Хузина

*студентка 3-го курса философского факультета Уральского
федерального университета имени первого Президента России*

Б. Н. Ельцина

*...Почему же нас совершенно не касается то, что нас сбивает с пути?
Почему? Ответ: потому что наше отношение к понятному и наиболее
близкому с давних пор является притупленным и смутным. Ведь путь
к близкому для нас, людей, в любые времена самый длинный
и поэтому самый трудный¹⁶⁰.*

М. Хайдеггер. Положение об основании

Вся новоевропейская философия была проникнута рационализмом. Как уходят от этой традиции, пытаются ее преодолеть та-

---

¹⁶⁰ Хайдеггер М. Положение об основании. СПб., 2000. С. 20.

кие неклассические немецкие мыслители XIX и XX вв., как Фридрих Ницше и Мартин Хайдеггер?

Главное, что объединяет этих двух мыслителей – утверждение иррациональных оснований познания в противовес установкам классического рационализма Нового времени. Эти основания можно выявить только путем обращения к глубинному уровню индивидуального существования, или к экзистенциальному опыту. Попытаемся выявить основные характеристики этого уровня в философии жизни Фридриха Ницше и в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера. Начать следует с более раннего мыслителя – Фридриха Ницше.

Вся философия до Ницше, считает он, – догматизм, построенный на заблуждениях и предрассудках, например, платоновское учение о душе, христианское учение. Но догматическое умствование есть лишь «детская игра и азбука мышления», и, может быть, скоро наступит то время, когда люди, наконец, избавятся от догматизма? Догматики строили свое здание на фундаменте различных суеверий, ошибок, обобщений очень узких, личных, «слишком человеческих фактов». Одно из таких суеверий, например, суеверие субъективного «Я», «которое и до сих пор еще не перестало бесчинствовать»¹⁶¹.

Еще одним распространенным суеверием является убеждение в ценности истины. Что есть истина? Почему мы стремимся именно к истине? В чем ценность этого стремления?

Типичный предрассудок метафизиков всех времен – поиск предметов высшей ценности, истины в чем-то сверхсущем, божественном, трансцендентном, так как эти предметы не могут, по утверждению метафизиков, иметь свое происхождение «из этого непрочного, обманчивого, ничтожного мира»¹⁶². И тогда постулируют они априорное (доопытное) существование «вещи в себе» или некоего божества. В конце концов, из этой своей веры они получают некое знание, которому дают торжественное название «истина» – а имеют ли они на это право?

Философ думает, что достиг этой «истины» логическими рассуждениями и больше ничем – но нет, «большая часть сознательного мышления философа управляется его инстинктами, которые насильно ведут его по известным путям»¹⁶³. Почему насильно ведут, и ведут по известным путям? Ради сохранения жизни, так как за логическими умствованиями скрывается оценка, которая является условием этого сохранения, например, что «определенное ценится более неопределенного, обман ценится менее «правды»¹⁶⁴,

¹⁶¹ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. СПб., 2008. С. 5–6.

¹⁶² Там же. С. 9.

¹⁶³ Там же. С. 10–11.

¹⁶⁴ Там же. С. 11.

«истинное» всегда ценится больше, чем «ложное». И не важно становится, истинно суждение или ложно само по себе, главное – насколько оно способствует сохранению нашей жизни (метафизики, философы этого, разумеется, не замечают в своих умствованиях). Допустим, говорит Ницше, что есть только реальность нашего животного существования, наших инстинктов (которые определяют наше мышление). Но не достаточно ли этого, чтобы понять и объяснить механический («материальный») мир, окружающий нас? Понять не как обман и «видимость», «представление», а как нечто стоящее на одной ступени с нашими инстинктами.

Философы постулируют эти тезисы, предъявляют их как «истину», полученную диалектическими рассуждениями, наравне с мистиками и богословами, которые говорят о каком-то «внушении свыше»; на самом же деле эта их истина – не что иное, как простое отвлеченное желание сердца, предрассудок, который они изо всех сил защищают.

Выходит, источник философии – «побуждение к познанию»? У философа – отнюдь. Философствует и философствовало каждое побуждение. Просто каждое из них воспользовалось познанием. Правда, у ученых дело обстоит иначе. Там действительно есть что-то вроде «побуждения к познанию», способное работать без участия других побуждений¹⁶⁵.

Каковы две причины познания, исходя из этого? Во-первых, это страх, во-вторых, это воля к власти. Человеку свойственно стремиться ко всему устойчивому, внешне определенному и надежному, – страх за свою жизнь заставляет человека познавать этот мир и создавать различные метафизические и научные построения. Ему не хочется пребывать в мире, в котором у него нет устойчивого основания под ногами (о чем говорит и Хайдеггер, называя *Nihil est sine ratione* `Ничего нет без основания` основоположением всех основоположений всей философии¹⁶⁶). Он не может существовать без ложных суждений и допущений, так как они и создают это основание. Наше стремление к незнанию еще больше, чем стремление к знанию. Но утверждать истинность априорных суждений мы не имеем никакого права. Мы даже просто не имеем на них никакого права, в наших устах они все равно окажутся ложными (нам, например, не надо отказываться от допущения существования души, но мы должны отказаться от устоявшегося представления о душе как о единстве, атоме, которое принимается всеми на веру). Верно ли вообще то, что истина есть нечто прекрасное, доставляющее наслаждение? Все ли, что вызывает восхищение, прекрасно? Все ли, что «возвышает душу», – истинно? Может быть, совсем наоборот?

¹⁶⁵ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. СПб., 2008. С. 5–15.

¹⁶⁶ Хайдеггер М. Положение об основании. СПб., 2000.

В настоящее время «истина» – нечто идеальное, подозрительно прекрасное – такое, каким ее удобнее и выгоднее видеть человеку.

Почему воля к власти также является причиной познания? Ницше приводит в пример стоиков, которые объявляют принцип «жить сообразно с природой»¹⁶⁷. Но не то же самое ли «жить сообразно жизни»¹⁶⁸? Зачем делать из этого принцип? Провозглашая это, они хотят на деле совершенно противоположного: предписать и привить свою мораль природе, «чтобы она была природой «согласно со Стоей»»¹⁶⁹. Но философия не может без этого обойтись, так как она есть стремление к власти над миром посредством построения его образца¹⁷⁰.

Здесь оказываются неподходящими и сенсуалистический, и противоположный – платоновский – императивы, ибо первый годен только для грубых рабочих, а второй используют идеологи и пустословы. Скептицизм Ницше также рассматривает как что-то болезненное и неправильное. Каким же образом тогда познавать?

Возникает целый ряд вопросов, связанных с познанием. Что такое «мыслить»? Что дает мне право говорить о «Я», да еще о «Я» как о причине мышления? Откуда я беру понятие «мыслить»? Почему я верю в причину и действие?

Мысль появляется, когда ОНА захочет, а не когда Я захочу. Ошибка утверждать, что подлежащее «Я» обуславливает сказуемое «мыслью». Оно думает, но это «Оно» – разве «Я»? Это только предположение. Следовательно, мышление нельзя отделять от хотения.

С незапамятных времен мы привыкли ко лжи. Наши чувства не научаются в совершенстве никогда быть верными, осторожными органами познания. Нам тяжело воспринимать что-то новое (видеть, слышать и т. д.), мы бессознательно пытаемся подстроить его под уже виденное, слышанное нами. Ко всему новому наши чувства относятся враждебно; над ними господствуют аффекты (страх, любовь, ненависть, лень). Современный читатель, прочитав бегло пять слов на странице, угадывает смысл текста; бегло окинув взглядом дерево, мы только приблизительно представляем себе нечто вроде дерева; так же и с переживаниями: мы измышляем большую их часть и мы всегда смотрим на них с позиции их изобретателя.

В определенный момент на первый план, пишет Ницше, выходит наука. Но какая наука? Узкая, ограниченная, убогая, презирующая философов и философию. Отделившись от философии, наука провозглашает себя независимой (что есть инстинкт черни –

¹⁶⁷ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. СПб., 2008. С. 15.

¹⁶⁸ Там же. С. 15.

¹⁶⁹ Там же. С. 15.

¹⁷⁰ Там же. С. 5–34.

«долой господина!»). Вместе с такой наукой появляется «объективный человек». Но такой «объективный человек» – лишь оружие, самая высшая форма раба. Это человек науки, который, стремясь судить «объективно», забывает про себя. Сам по себе он ничто. «Объективный человек – это орудие драгоценное, легко портящийся и легко тускнеющий измерительный прибор и зеркало, шедевр искусства, которое надо беречь и почитать; но это не цель, не выход, не подъем, не полный человек, в котором оправдывается все прочее бытие, не заключение – еще менее начало, зачаток и первопричина, отнюдь не что-то резкое, могучее, самостоятельное, что хочет господствовать: скорее это нежная вздутая подвижная форма, которая должна ожидать какого-либо содержания, чтобы сформироваться сообразно с ним, – обыкновенно человек без содержания, безличный...»¹⁷¹.

Это состояние человека порождает жестокость. И не просто жестокость, а получение от нее удовольствия, наслаждения. В том числе и в познании. Проникновение вглубь – насилие над умом, стремящимся к кающемуся и к внешнему. Отрицание, когда он хочет утверждать, есть насилие. И простое принуждение себя к познанию есть также жестокость. «В наши дни существует форменный культ страдания»¹⁷².

Для преодоления всего этого сначала необходимо освободиться от всех метафизических предпосылок (нужно, чтобы человек наконец встал перед лицом человека так, как он стоит перед природой – смело и освободившись от метафизических предубеждений; глухой к метафизическим призывам «Ты больше! Ты выше! Ты иного происхождения!»¹⁷³), стать по ту сторону добра и зла.

Согласно Ницше, преодоление метафизических предрассудков возможно через самопознание. В глубине нашего существа есть нечто, не поддающееся обучению, «духовный фатум», который есть предопределенное решение и ответ на некоторые отборные вопросы. Мы называем некоторые эти решения «убеждениями». Это для нас – путь к самопознанию. В некоторых проблемах можно только «выучиться» – открыть до конца то, что «установлено» этим «духовным фатумом». Можно сказать, что это и есть та область экзистенциального опыта, где рождаются и установки познания, и моральные оценки. Философия, осмелившаяся признать это, этим уже поставит себя по ту сторону добра и зла¹⁷⁴.

Что говорит об основаниях познания М. Хайдеггер? Построением своей фундаментальной онтологии он предлагает вернуться

¹⁷¹ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. СПб., 2008. С. 127.

¹⁷² Там же. С. 231.

¹⁷³ Там же. С. 162.

¹⁷⁴ Там же. С. 5–237.

к вопросу о бытии, уйти от гносеологизированной рационалистической новоевропейской философии. В процессе познания нельзя разделять познающий субъект – человека – с познаваемым объектом – бытием. По отношению к бытию человек не может принять позицию со стороны, человек всегда находится внутри него, и делать его объектом, противопоставляя субъекту, как это делала новоевропейская философия, нельзя. Бытие поэтому нам не дано столь очевидно, как объявляет новоевропейская философия, но оно есть условие нашего существования. О том же говорит и Ницше: «Философия, сведенная к «теории познания», представляющая собой, в сущности, не более как робкую эпохистику (скрывание своего суждения) и учение о воздержании, – такая философия, которая вовсе не переступает через порог и с болью отказывает себе в праве на вход, – это философия, находящаяся при последнем издыхании, конец, агония, нечто, вызывающее сострадание. Как же может такая философия господствовать?»¹⁷⁵.

Ошибка новоевропейской философии – понимание Бытия по образцу сущего. Бытие не есть «что-то». Оно лежит за границами возможностей чьей-либо познания. Как же его тогда познать?¹⁷⁶

Нет никакого Sein – вообще Бытия. Есть некое Sein, присутствующее здесь и сейчас – Da-Sein. Это Бытие самого человека. «Просвет Бытия». Оно всегда ограничено. То, что за ним, человеку недоступно. Само Бытие есть этот просвет. Но это вовсе не означает, что человек есть нечто, находящееся в этом просвете, некий субъект, находящийся в некотором объекте. Нет – сам человек и есть просвет Бытия. Познавательный акт здесь возможен только как переживание. Притом переживание – всегда единичное. Бытие неуловимо, оно всегда ускользает. Подлинное может существовать только в единичном виде.

В статье «Время и Бытие» вместо понятия Da-Sein появляется понятие Ereignis (Событие). Со-Бытие – то, что собирает Нечто в себе, акт собирания. Человеческое бытие носит характер событийного Бытия. Событие одновременно и единично, и множественно. Но, как и Da-Sein, схватывается оно только в переживании¹⁷⁷.

В своей работе «Вещь» Хайдеггер говорит следующее. Что делала новоевропейская философия? В своем болезненном стремлении к объективности, разделении человека и мира она обусловила появление новоевропейской науки и затем техники, которая до сих пор неблагоприятно влияет на человечество. «Человек преодолевает длиннейшие дистанции за кратчайшее время. Он оставляет позади величайшие расстояния и ставит все тем самым на мини-

¹⁷⁵ Там же. С. 122.

¹⁷⁶ Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 16–41.

¹⁷⁷ Там же. С. 391–406.

мальном отстоянии от себя¹⁷⁸» – вот чего добились наука и техника. Но устранение расстояния не приносит никакой близости ни к вещам, ни к самому человеку – близость заключается не в уменьшении отдаленности. Что пространственно может оказаться близко к нам (благодаря кино или радио, например) – может оставаться далеким для нас. А что далеко в пространстве – близким. «Все спешится в недалекое единообразие»¹⁷⁹. Человек боится своих же научных открытий – атомной бомбы, например. Но самое потрясающее уже стряслось. Оно уже давно наступило – «Потрясающее – в том, что все, что есть, вытряхнуто из своего бывшего существования. Что такое это потрясающее? Оно обнаруживается и таится в способе, каким все существует, – а именно в том, что несмотря на все преодоление расстояний близость того, что есть, нам не дается»¹⁸⁰.

Необходимо добраться до сути самой вещи. И рассматривать ее не с позиции наблюдателя или ее создателя, а с позиции самой вещи. В какой-то мере самому стать этой вещью и пережить ее. Исследовать вещь изнутри самой вещи.

Хайдеггер обращается к, казалось бы, самой простой вещи, – чаще для вина. Как рассматривает ее наука? Научное знание принудительно – оно принуждает нас к тому, «чтобы отказаться от наполненной вином чаши и поставить на ее место полное пространство, в котором распространяется жидкость»¹⁸¹. Новоевропейская философия и научное знание уничтожили вещь¹⁸². «Вещь в качестве вещи оказывается ничем. Вещественность вещи остается потаенной, забытой. Существо вещи не дает о себе знать, то есть ему не дают слова»¹⁸³.

Для Хайдеггера важно не рациональное осмысление, а понимание этого пережитого.

Таким образом, и Ницше, и Хайдеггер отказываются от новоевропейской рациональности в познании, заявляя, что она могла привести и привела к негативным последствиям – по сути – к уничтожению самого человека. Они предлагают новые основания процесса познания, укорененные в экзистенциальном опыте. Эти основания открывают возможность переосмысления основных категорий онтологии и гносеологии, которое осуществляется в неклассической философии XX в.

---

¹⁷⁸ Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 316.

¹⁷⁹ Там же. С. 316.

¹⁸⁰ Там же. С. 317.

¹⁸¹ Там же. С. 319.

¹⁸² Там же. С. 316–326.

¹⁸³ Там же. С. 319.